

DOI: 10.31696/S086919080034387-2

БЛИЖНЕВОСТОЧНЫЕ ЦЕНТРЫ СИЛЫ: СПОСОБЫ РЕАЛИЗАЦИИ ВЛИЯНИЯ

© 2025 Е.А. БЕЛКОВ^а, И.А. ГУЖЕВ^б, Е.И. ДОБРЕВА^в, И.Э. ИБРАГИМОВ^д,
И.Д. ЗВЯГЕЛЬСКАЯ^е, Т.М. КАДЫРМАМБЕТОВ^ф, С.О. ЛАЗОВСКИЙ^г,
Л.М. САМАРСКАЯ^h, И.А. СВИСТУНОВА^и, Н.Ю. СУРКОВ^j, Н.В. СУХОВ^к,
Т.И. ТЮКАЕВА^l

^{а, б, в, д, е, ф, г, h, и, j, k, l} – Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН (ИМЭМО РАН), Москва, Россия

^а – ORCID: 0000-0003-0895-7782; 79788566271@mail.ru

^б – ORCID: 0000-0002-8302-028X; guzhev.ilya1999@mail.ru

^в – ORCID: 0009-0004-6093-8460; dobreva.evdokia@gmail.com

^д – ORCID: 0000-0001-9669-4243; ibragimov.ie@imemo.ru

^е – ORCID: 0000-0002-5937-9997; zvyagel@imemo.ru

^ф – ORCID: 0000-0002-3912-599X; kadyrtm@imemo.ru

^г – ORCID: 0000-0003-1249-3634; stas-jesin@yandex.ru

^h – ORCID: 0000-0003-4596-4404; saluma@imemo.ru

^и – ORCID: 0000-0001-5191-9090; isvistunova@imemo.ru

^j – ORCID: 0000-0001-7185-7990; nsurkov@imemo.ru

^к – ORCID: 0000-0002-6767-3352; soukhov@yandex.ru

^l – ORCID: 0000-0003-0758-4187; tatyana-tyukaeva@yandex.ru

Резюме: В статье исследуются инструменты влияния, используемые ведущими государствами Ближнего Востока в меняющейся системе региональных и глобальных международных отношений. В формирующемся многополярном мире всё больше региональных государств стремится закрепить за собой влиятельные позиции. При этом отсутствие лидера вовсе не означает отсутствия региональных держав. Некоторые региональные силы обладают огромными ресурсами и влиянием, но при этом далеко не все государства готовы признавать их особую роль. Конкуренция за лидерство в Арабском мире усиливается на фоне активности Саудовской Аравии и ОАЭ, продвигающих собственные геополитические инициативы. Турция значительно расширила своё влияние в регионе. Иран, несмотря на ряд неудач, продолжает играть важную роль. Израиль пытается максимально укрепить свою безопасность.

На Ближнем Востоке ярко выражен субрегионализм. Межгосударственное соперничество как внутри, так и за пределами субрегионов дополнительно затрудняет появление признанного авторитета.

Различные региональные силы располагают разным набором инструментов, обеспечивающих их влияние в регионе или субрегионе. В данном исследовании авторы выделяют лишь некоторые, наиболее эффективные способы продвижения влияния отдельными ближневосточными акторами. Так, несмотря на продолжающиеся многочисленные конфликты в регионе, многие региональные центры силы всё чаще делают упор на нормализацию отношений со своими оппонентами. В тех конфликтах, в которые они непосредственно не вовлечены, они берут на себя посредническую роль, а также предлагают свои планы урегулирования. Одновременно ряд ведущих государств продолжает делать главный упор на военную силу и/или на поддержку прокси, что чревато ростом напряжённости.

При этом прокси преследуют и собственные интересы, которые необязательно полностью совпадают с позицией государства-патрона. В свою очередь, субрегиональные государства, обладающие относительно ограниченными ресурсами, отдают предпочтение более прагматическому и взвешенному курсу, чтобы выйти за пределы своего геополитического пространства.

Ключевые слова: лидерство, региональные государства, центры силы, инструменты влияния, нормализация, посредничество, военная сила, Ближний Восток

Для цитирования: Белков Е.А., Гужев И.А., Добрева Е.И., Ибрагимов И.Э., Звягельская И.Д., Кадырмамбетов Т.М., Лазовский С.О., Самарская Л.М., Свистунова И.А., Сурков Н.Ю., Сухов Н.В., Тюкаева Т.И. Ближневосточные центры силы: способы реализации влияния. *Восток (Oriens)*. 2025. № 2. С. 99–111. DOI: 10.31696/S086919080034387-2

THE MIDDLE EAST POWERS. MAIN TOOLS OF INFLUENCE

© 2025

Evgeni A. BELKOV ^a, Илья А. GUZHEV ^b, Evdokia I. DOBREVA ^c,

Ibragim E. IBRAGIMOV ^d, Irina D. ZVYAGELSKAYA ^e, Timur M. KADYRMAMBETOV ^f,

Stanislav O. LAZOVSKI ^g, Lyudmila M. SAMARSKAYA ^h, Irina A. SVISTUNOVA ⁱ,

Nikolay Yu. SURKOV ^j, Nikolay V. SUKHKOV ^k, Tatiana I. TYUKAEVA ^l

^{a, b, c, d, e, f, g, h, i, j, k, l} – Primakov National Research Institute
of World Economy and International Relations,

Russian Academy of Sciences (IMEMO RAS), Moscow, Russia

^a – ORCID: 0000-0003-0895-7782; 79788566271@mail.ru

^b – ORCID: 0000-0002-8302-028X; guzhev.ilya1999@mail.ru

^c – ORCID: 0009-0004-6093-8460; dobreva.evdokia@gmail.com

^d – ORCID: 0000-0001-9669-4243; ibragimov.ie@imemo.ru

^e – ORCID: 0000-0002-5937-9997; zvyagel@imemo.ru

^f – ORCID: 0000-0002-3912-599X; kadyrtm@imemo.ru

^g – ORCID: 0000-0003-1249-3634; stas-jesin@yandex.ru

^h – ORCID: 0000-0003-4596-4404; saluma@imemo.ru

ⁱ – ORCID: 0000-0001-5191-9090; isvistunova@imemo.ru

^j – ORCID: 0000-0001-7185-7990; nsurkov@imemo.ru

^k – ORCID: 0000-0002-6767-3352; soukhov@yandex.ru

^l – ORCID: 0000-0003-0758-4187; tatyana-tyukaeva@yandex.ru

Abstract: *The article analyzes the instruments of influence used by the leading states of the Middle East within the changing system of regional and global international relations. In the emerging multipolar world, more and more regional states are seeking to consolidate their influential positions. While some regional powers have enormous resources and influence, not all actors are ready to recognize their special role. The competition for leadership in the Arab world is intensifying against the background of active Saudi Arabia and the UAE's foreign policies, promoting their own geopolitical initiatives. Turkey has significantly expanded its influence in the region. Iran, despite a number of setbacks, continues to play an important role. Israel is trying to maximize its security.*

There is a pronounced subregionalism in the Middle East. Inter-state rivalry both within and outside the subregions further complicates the emergence of a recognized authority.

Different regional powers use different sets of tools to ensure their influence in the region or sub-region. In this study, the authors identify only some of the most effective means practiced by individual Middle East actors for this purpose. Thus, many regional centers of power are increasingly focusing on normalizing relations with their opponents. In the conflicts where they are not directly involved they take on a mediating role. A number of leading states continue to focus on military force and/or proxy support. Sub-regional states are increasingly opting for a more pragmatic course in order to strengthen their positions and move beyond the borders of their geopolitical space.

Keywords: leadership, regional states, centers of power, instruments of influence, normalization, mediation, military force, Middle East

For citation: Belkov E.A., Guzhev I.A., Dobreva E.I., Ibragimov I.E., Zvyagelskaya I.D., Kadyrmambetov T.M., Lazovskii S.O., Samarskaya L.M., Svistunova I.A., Surkov N.Yu., Sukhkov N.V., Tyukaeva T.I. The Middle East Powers. Main Tools of Influence. *Vostok (Oriens)*. 2025. No. 2. Pp. 99–111. DOI: 10.31696/S086919080034387-2

ВВЕДЕНИЕ

Вопрос о наличии ведущих держав на Ближнем Востоке вызывал споры исследователей на протяжении многих лет. В различного рода теоретических работах понятие регионального государства-лидера тесно увязывалось с его воздействием на региональную институционализацию. Последняя остается в основном западноевропейским феноменом и мало применима к фрагментированному Ближнему Востоку. По справедливому утверждению Мириам Прис, сотрудника германского Института глобальных и региональных исследований, делая теоретические заявления, разрабатывая гипотезы, которые в той или иной форме затрагивают региональные державы, их стратегии или поведение, нам нужно обращать внимание на специфические региональные аспекты, которые могут быть существенными [Prys, 2010, p. 3].

В принципе общее определение ведущего государства может быть достаточно очевидным и как бы не требующим учёта региональной специфики. Региональная сила должна соответствовать, по крайней мере, трём основным критериям: лидирующее положение в регионе, наличие материальных и идеологических ресурсов, осуществление влияния на региональные дела [Nolte, 2010, p. 894–896]. Вместе с тем, хотя вышеперечисленные условия являются необходимыми для завоевания влияния, они не равновесны и играют разную роль. Жёсткое определение лидерства не всегда принимает во внимание особенности контекста, в котором действуют различные центры силы. Так, по мнению немецкого профессора Мартина Бека, «если концепция региональной власти основана на принципе лидерства, ... то на Ближнем Востоке явно нет региональных держав, которые соответствовали бы этому требованию» [Beck, 2014, p. 4–5].

На самом деле отсутствие лидера вовсе не означает отсутствия региональных держав. Некоторые региональные силы обладают огромными ресурсами и влиянием, но при этом далеко не все государства готовы признавать их особую роль. Появление признанного авторитета на Ближнем Востоке также затрудняет ярко выраженный субрегионализм, создающий дополнительную конкурентную среду.

В истории Ближнего Востока нужно вернуться на несколько десятков лет назад, конец 1950–1960-х гг., когда одна региональная держава, а именно Египет, воспринималась в качестве ведущей региональной силы влиятельными субъектами внутри региона и за его

пределами [Beck, 2014, p. 5]. Как известно, региональному лидеру необходимо, во-первых, заручиться поддержкой других государств региона, которые бы «следовали за ним», а, во-вторых, сформировать такие институты, которые бы отвечали его интересам и обеспечивали его региональное лидерство [Nolte, 2010, p. 894]. Насер, представитель нового поколения, не побоявшийся противопоставить себя Западу в ответ на нежелание последнего считаться с интересами Египта, стал героем всего арабского мира, находившегося под сильным влиянием националистических идей. Известно, что государства или правительства, отнесённые к категории «региональных лидеров», регулярно ссылаются на «обязанности или особую ответственность», которые они возлагают на себя [Holsti, 1970, p. 261]. Борьба Насера за арабское единство, активная роль в движении неприсоединения, привели к формированию широкой поддержки его курса.

В обновлённом миропорядке претендующие на региональное лидерство государства рассчитывают оказывать влияние не только на ближневосточную обстановку, но и на глобальные международные отношения. Хотя идеология продолжает играть важную роль в отстаивании позиций и акцентировании исключительности, ведущим региональным силам на новом этапе развития международных отношений потребовалось задействовать весь комплекс имеющихся ресурсов, чтобы завоевать прочные позиции. Конкуренция за лидерство в Арабском мире усиливается на фоне активности Саудовской Аравии и ОАЭ, продвигающих собственные геополитические инициативы. Турция и Иран, который несмотря на существующие проблемы, остаётся сильным игроком, обладают существенным влиянием в регионе. Особые позиции занимает Израиль. В то же время традиционные арабские институты, такие как ЛАГ, утратили былую эффективность, уступая место двусторонним и новым многосторонним альянсам.

В данной статье предпринята попытка выделить отдельные инструменты влияния, которые с наибольшей эффективностью задействованы правительствами тех или иных региональных государств. Их подходы могут быть абсолютно разноплановыми – выбор курса на нормализацию, посреднические усилия, ставка на военную силу и поддержку прокси. Субрегиональные государства, стремящиеся повысить свой авторитет и влияние, действуют с учётом своих относительно ограниченных возможностей по сравнению с явными лидерами.

НОРМАЛИЗАЦИЯ И ПОСРЕДНИЧЕСКИЕ УСИЛИЯ

Арабским монархиям Залива удалось достаточно чётко обозначить свои особые позиции в регионе и обеспечить влияние на происходящие на Ближнем Востоке процессы. Из закрытых политических систем вышло поколение новых лидеров, готовых играть активную роль в регионе и на глобальном уровне. При всей значимости военной силы как инструмента влияния в последние годы они признали более перспективным упор на посреднической деятельности.

Особенно обращает на себя внимание то обстоятельство, что в рамках приписываемой им культурно-религиозной ограниченности они не могли бы завоевать доверие стран, готовых видеть их в качестве медиаторов. Им пришлось переступить также через собственные давние предубеждения, не позволявшие иметь дело со странами, вовлечёнными в той или иной форме в конфликт с арабскими участниками международных отношений.

Королевство Саудовская Аравия (КСА) является признанным лидером среди монархий Залива и позиционирует себя в качестве лидера арабского и мусульманского мира. В настоящее время происходит выход Эр-Рияда за рамки традиционной сферы влияния. Как отмечал авторитетный российский востоковед Г.Г. Косач, новое руководство Саудовской

Аравии в лице наследного принца Мухаммеда бин Салмана и его команды заговорило о «появлении саудовской идентичности, более не определявшейся исламом и арабизмом, но многогранными связями с миром» [Косач, 2019, с. 588–589].

КСА активно диверсифицирует свою внешнюю политику и ищет новых партнёров из числа ведущих государств развивающегося мира, сохраняя партнёрские отношения с США и Европой. Фактический правитель Саудовской Аравии Мухаммед бин Салман заявил в 2021 г., что стремится налаживать новые партнёрства в дополнение к уже имеющимся [*Crown Prince Mohammed*, 2021]. Свою роль королевство видит в качестве посредника, который не участвует в конфронтации сверхдержав, а берёт на себя организацию переговоров для урегулирования конфликтов и координацию усилий, направленных на решение глобальных проблем [Sager, 2024].

Лидеры развивающегося мира не раз демонстрировали умение добиться дипломатических успехов там, где западная дипломатия потерпела неудачу. Особенно следует отметить состоявшуюся в Эр-Рияде в 2025 г. серию переговоров между делегациями России и США по вопросам двусторонних отношений и урегулирования украинского кризиса. Это был первый официальный контакт между Москвой и Вашингтоном после февраля 2022 г.

С конца 1990-х – начала 2000-х гг. руководству двух малых монархий – Катара и ОАЭ – удалось преодолеть свою «малость» [Miller, Verhoeven, 2020] и стать «трендсеттерами» региональной повестки, способствуя снижению напряженности в отношениях между ключевыми ближневосточными игроками. В этом контексте важно обратить внимание на принципиально возросшую в международном масштабе роль двух монархий в урегулировании конфликтов в качестве ключевых посредников. Доха еще с начала 2000-х гг. активно прилагает посреднические усилия в странах Ближнего Востока и Африки [Cavusoglu, 2016]. Однако наибольший успех для глобального самопозиционирования в качестве «центра дипломатической активности» [Мелкумян, 2022, с. 187] Катару принесло его многолетнее посредничество между движением «Талибан» и США: дипломатические миссии многих государств после их закрытия в Кабуле в 2021 г. были перемещены в Доху, а на катарское посольство в Афганистане были возложены функции представительства интересов США в этой стране.

Не менее примечательна посредническая роль Катара в ходе войны в Газе, начавшейся 7 октября 2023 г. Представители внешнеполитических и силовых ведомств Израиля, США и ряда других вовлечённых государств стали регулярными гостями Дохи, превратившейся в центр переговорных процессов с руководителями ХАМАС. Кроме того, Катар – наряду с ОАЭ и Египтом – был энергично вовлечён в содействие усилиям ООН и США по поставке гуманитарной помощи в Сектор Газа. Встреча в «кастинговом формате» в декабре 2024 г. на фоне свержения режима Асада в Сирии также проходила в катарской столице. Значительная вовлечённость монархий Залива, в особенности ОАЭ, в посредническую активность наблюдалась, в том числе в ходе реализации регулярных сделок об обмене пленными между Россией и Украиной.

Египет занимает влиятельные позиции в регионе, что обусловлено его историческим наследием, дипломатическим авторитетом, стратегическим положением, а также разветвлёнными связями с Западом, Израилем и арабскими странами. Каир в последние годы активно пытается укрепить свою роль посредника в конфликтах на Ближнем Востоке. В 2023–2025 гг. Египет участвовал в посреднических усилиях по урегулированию конфликта в Газе, сосредоточив внимание на переговорах о прекращении огня, расширении гуманитарной помощи и освобождении заложников. Совместно с Катаром и США Каиру удалось не только добиться краткосрочных перемирий (в ноябре 2023 г. и эпизодических

пауз в 2024 г.), но и внести вклад в соглашение о трёхэтапном прекращении огня в Газе, заключённом в январе 2025 г. [Graham-Harrison, 2025]. Оставаясь ключевым каналом связи между сторонами, не имеющими прямых контактов, Египет сохранил свою незаменимую роль в переговорном процессе.

Египет долгое время был вовлечён в конфликт в Ливии, поддерживая Ливийскую национальную армию (ЛНА) под командованием Халифы Хафтара, но в последние годы Каир демонстрирует более гибкий подход, стремясь выступать нейтральным посредником. Его усилия направлены на стабилизацию ситуации, предотвращение распространения экстремизма и обеспечение безопасности на своих западных границах [Ибрагимов, 2024, с. 94–95]. Каир предоставил площадку для переговоров между ливийскими политическими фракциями и активно участвовал в многосторонних форматах урегулирования кризиса, включая Берлинский процесс (2020–2021 гг.). Кроме того, Египет выступил с собственной инициативой по стабилизации ситуации, представив Каирскую декларацию в 2020 г.

Суданский конфликт между вооружёнными силами Судана и Силами быстрого реагирования (СБР), начавшийся в апреле 2023 г., остаётся приоритетом для Египта из-за угрозы безопасности на южной границе и наплыва беженцев. Каир традиционно поддерживает ВС Судана, но при этом предпринял ряд шагов для урегулирования кризиса, включая организацию встреч, саммитов и координацию с региональными партнёрами. Например, в апреле 2023 г. Египет созвал экстренный саммит с участием лидеров соседних африканских государств и представителей Африканского союза для обсуждения немедленных мер по прекращению боевых действий и предотвращению дальнейшей эскалации конфликта. Помимо этого, Египет провёл отдельные встречи с руководством ВС Судана и СБР, стремясь убедить их пойти на прекращение огня и начать переговоры.

Хотя эффективность египетских усилий остаётся ограниченной из-за высокой сложности конфликтов и конкуренции со стороны других региональных и международных акторов, тем не менее посредничество становится всё более важным инструментом в политике Египта.

Турция также делает большой акцент на снижение напряжённости. Рассматривая Ближний Восток в качестве одной из наиболее нестабильных зон, турецкое руководство видит региональную миссию страны в том, чтобы играть всё более заметную и признанную другими странами роль в обеспечении мира и безопасности, в первую очередь в соседней Сирии. По словам турецкого министра иностранных дел Хакана Фидана, в настоящий момент международная система не может урегулировать никакие кризисы, в то время как Анкара способна выполнять функцию посредника между конфликтующими сторонами на Ближнем Востоке, Южном Кавказе и в Восточном Средиземноморье [*Dişişleri Bakanı*, 2024]. Турция пытается выступать в качестве медиатора в различных конфликтах. В марте 2022 г. Стамбул стал площадкой для переговоров между Россией и Украиной. Позже, в июле того же года Анкара приняла участие в заключении российско-украинской зерновой сделки, а после её срыва неоднократно выражала намерение возобновить соглашение. 27 февраля 2025 г. в Стамбуле состоялись переговоры делегаций РФ и США по вопросу «раздражителей» в двусторонних отношениях и восстановлению работы посольств двух стран [Домбичкая, 2025].

Важным инструментом турецкой стратегии позиционирования себя в качестве медиатора и миротворца является гуманитарная политика. Турция была в числе лидеров по оказанию гуманитарной помощи палестинцам в Газе. Анкара проводит линию по поддержке возвращения в Сирию беженцев, которые оказались на турецкой территории после начала сирийского кризиса в 2011 г. По данным Министерства внутренних дел Турции, в декабре 2024 г. в стране находились 2901478 официально зарегистрированных сирийских беженцев,

в то время как в декабре 2023 г. их было 3214780 человек [*Türkiye'deki Suriyeli*, 2025]. В течение года в Сирию вернулись уже более 313 тыс. человек по разработанной турецкими властями программе добровольного возвращения. Сирийцы, прожившие в Турции десять лет и с её помощью вернувшиеся на родину, могут стать для Анкары дополнительным фактором укрепления турецкого имиджа в регионе.

Анкара, долгое время балансирующая между поддержкой различных сирийских оппозиционных группировок и сдерживанием курдских сил, после падения Дамаска получила возможность существенно усилить своё присутствие в регионе. Турция оказалась в числе главных бенефициаров, однако этот успех не является абсолютным: угроза дестабилизации Сирии остаётся высокой, особенно в случае возникновения фракционной борьбы внутри «Хайат Тахрир аш-Шам» (ХТШ¹) или если группировка начнёт демонстрировать чрезмерную самостоятельность, выходя за рамки стратегических интересов своих спонсоров.

ВОЕННАЯ СИЛА КАК ИНСТРУМЕНТ ВЛИЯНИЯ

В то время как практически все независимые государства пытаются нарастить военный потенциал, чтобы обеспечить свою безопасность, для некоторых из них именно военная сила становится важнейшим инструментом влияния и самопозиционирования в регионе. Так, с точки зрения руководства Израиля, военные успехи Иерусалима и серьёзные удары по «иранской оси» являются критически значимыми достижениями, которые позволяют рассматривать еврейское государство как «фокус силы в ... регионе» [*PM Netanyahu's Remarks*, 2024]. По выражению премьер-министра Биньямина Нетаньяху, Израиль «меняет лицо Ближнего Востока». Сотрудничество с еврейским государством позиционируется как несущее преимущества, а соперничество – риски [*PM Netanyahu's Remarks*, 2024]. Военная сила позиционируется и как инструмент для экономического сотрудничества и интеграционных процессов, что постоянно подчёркивается обращением к успешности нормализации израильских отношений с региональными игроками – «историческому примирению между арабским миром и Израилем, между исламом и иудаизмом, между Меккой и Иерусалимом» [*Prime Minister Benjamin Netanyahu's speech*, 2024].

Взяв идею о «новом Ближнем Востоке», которую в своё время выдвигал израильский премьер Шимон Перес, нынешний правый глава правительства Нетаньяху наполнил её другим содержанием. Если подход Переса можно охарактеризовать как «мир без военной силы», то Нетаньяху – как «мир через военную силу». Конечная цель, однако, в рамках их идей схожа: полноценная интеграция Израиля в регион, но поскольку предлагаемые условия и методы принципиально различаются, то и успех представляется вовсе не очевидным.

Военная сила остаётся важным элементом внешнеполитической стратегии Ирана. Тегеран делает ставку на продолжение ядерной программы, создание мощного ракетного потенциала, а также поддержку военизированных прокси-структур, действующих в рамках так называемой оси сопротивления в Ираке, Йемене, Ливане. Прокси-война стала критическим инструментом в современных конфликтах, позволяя государствам проецировать своё влияние, избегая прямого военного противостояния, что особенно ярко проявлялось на сирийском театре военных действий [Mumford, 2013]. Однако в 2024 г. региональная динамика изменилась. В Сирии, где ранее играли важную роль иранские прокси-структуры, падение правительства Асада привело к снижению иранского влияния.

Для Ирана потеря сирийского союзника стала крупнейшим геополитическим поражением. Разрушение инфраструктуры КСИР в результате израильских авиаударов, утрата маршрутов снабжения «Хезболлы» и ослабление шиитского влияния в Ливане – всё это

¹ Организация запрещена на территории РФ.

создало для Тегерана новые стратегические угрозы. В сложившихся условиях Иран может попытаться компенсировать потери, активизируя поддержку шиитских военизированных формирований. Однако с учётом ужесточающегося экономического давления и ухудшения внутренней ситуации Тегеран вряд ли сможет оперативно восстановить свои позиции. Исламская Республика Иран продолжает испытывать экономические проблемы, находясь под тяжёлыми санкциями. Страна добилась серьёзных успехов в области реформирования и развития своей национальной экономики, благодаря предпринятым мерам в области привлечения и создания инноваций, использования внутренних ресурсов, импортозамещения в рамках стратегии «экономики сопротивления» [Лазовский, 2020]. Между тем проблемы высокой инфляции, низких доходов на душу населения, слабого курса национальной валюты по отношению к доллару, привлечения в страну иностранных инвестиций, а также трудности в энергетическом секторе – решить пока не удалось.

В отсутствие союзника в Дамаске, Тегеран сталкивается с необходимостью пересмотра своей стратегии в Леванте, особенно на фоне растущей роли Турции и арабских государств в постасадовской Сирии. Адаптация к новым вызовам предусматривает в случае Ирана сохранение упора на военную силу в качестве инструмента влияния.

АМБИЦИИ И ВОЗМОЖНОСТИ СУБРЕГИОНАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ

Субрегиональные государства, как правило, имеют более ограниченные возможности, чем региональные державы, и пытаются прежде всего укрепить позиции в своих геополитических пространствах. Например, основное внимание руководства Алжира сосредоточено на регионе Магриба. Характер отношений, сложившийся между Алжиром и Марокко, можно описать как классическую дилемму безопасности. Руководство каждого из государств видит возможность в повышении степени собственной безопасности путём ослабления безопасности своего противника [Jervis, 1978, p. 169]. Алжир стал инициатором организации нового интеграционного объединения в Магрибе. В апреле 2024 г. состоялась первая встреча лидеров трёх государств – Алжира, Туниса и Ливии. В ходе саммита обсуждалась возможность создания некоей площадки, которая способствовала бы как формированию их общей позиции по различным проблемам, так и укреплению региональной стабильности [Al-ijtima'i, 2024]. И хотя официально объединение не направлено против кого-либо и открыто для вступления любой страны, важно отметить, что представители Королевства Марокко не были приглашены, что вполне можно объяснить алжиро-марокканским соперничеством за лидерство в регионе.

Алжирское руководство, несмотря на меняющуюся глобальную систему международных отношений, с момента достижения независимости придерживается определённых стержневых для себя принципов, одним из которых является солидарность [Василенко, Кузнецов, 2024]. Прежде всего это можно наблюдать в последовательной позиции Алжира по вопросам Западной Сахары и Палестины.

Сирийская Арабская Республика на протяжении десятилетий оставалась неотъемлемым элементом ближневосточного политического ландшафта, оказывая серьёзное влияние на ближневосточную ситуацию, но в целом оставаясь субрегиональным актором (Левант). Дамаск обеспечивал стратегические интересы России и Ирана, выступал связующим звеном для передачи оружия и финансовой помощи «Хезболле» в Ливане, а также поддерживал военные операции проиранских группировок в регионе. Однако стремительное наступление ХТШ, организованное при непосредственном содействии Турции и Катара, коренным образом изменило структуру сирийской власти. Свержение Асада создало новую политическую динамику, при которой Саудовская Аравия и ОАЭ получили дополнительные

рычаги воздействия, в то время как Израиль получил возможность нанести решающий удар по инфраструктуре КСИР и «Хезболлы». На данный момент трудно сказать, какой набор инструментов будут использовать новые правители для закрепления места Сирии на Ближнем Востоке. Превращение страны в радикальное исламистское государство, очевидно, не в интересах ведущих региональных и глобальных государств. Соответственно новому руководству страны придётся поступиться прежними идейными принципами.

Говорить об Афганистане как ближневосточном государстве, конечно, нельзя, но пример движения «Талибан» (даже при сохранении его идейной ограниченности) может быть показателем и для новых сирийских властей. Так, талибам удаётся договариваться и сглаживать острые углы в отношениях с Ираном (водная проблема), Узбекистаном (проблема бассейна Амударьи) [В *Казахстане*, 2024], Туркменистаном. Сложнее дело обстоит с некогда дружественным Пакистаном, но и здесь талибы стараются сохранить лицо, всегда отвечая зеркальными мерами.

Идея превращения Афганистана в транзитный хаб, который бы связал Южную и Центральную Азию, не нова [Сикоев, 2004, с. 85], но длительная нестабильность, проведение военных операций силами международной коалиции (2001–2021) и отсутствие полного контроля над страной со стороны центрального правительства препятствовали её реализации. После 2021 г. складываются более благоприятные условия.

Несмотря на жёсткий характер внутренней политики движения «Талибан» после их возвращения к власти в 2021 г., выражающийся в ограничительных мерах в отношении женщин и этнических меньшинств, многие страны нацелены на прагматическое взаимодействие с Кабулом. Переход от политики изоляции талибов к конструктивному взаимодействию с ними был обусловлен признанием большинством государств безальтернативности власти «Талибан» в Афганистане [Nakimi, 2025], а также его намерением вести борьбу с ИГ-Хорасан².

Необходимо сказать, что сами талибы, в отличие от первого периода нахождения у власти, значительно изменили видение своей роли в регионе. Новая власть понимает, что для легитимации нужны не только религиозно-идеологические постулаты. Свою внешнюю политику талибы называют умеренной, ориентированной на развитие экономики [Kanfrans-e khabari-e wezarat-omur-e khareja, 2022], где приоритетами являются развитие дружественных отношений со всеми странами и полный нейтралитет.

В условиях становления многополярного мира отсутствие единого регионального лидера воспринимается как норма. В целом формирующаяся многополярность, предусматривающая возможность для более широкого круга игроков оказывать влияние на международные отношения, достаточно ясно проявляется на региональном и субрегиональном уровне на Ближнем Востоке даже в отсутствие эффективно работающих коллективных институтов. Ряд государств, обладающих необходимыми ресурсами, умеющих их использовать для проецирования своего влияния, становятся главными региональными игроками, делая ставку на переговоры или на военную силу. При этом специфика Ближнего Востока, предусматривающая наличие субрегионов, даёт возможность отдельным государствам, неспособным играть ведущую общерегиональную роль, реализовывать свои интересы и возможности на более ограниченном пространстве. Выход за границы этого пространства также осуществляется ими с достаточно высокой долей успеха.

Показательно, что многие государства Ближнего Востока, прямо или косвенно вовлечённые в многочисленные конфликты, в настоящее время всё чаще выбирают опцию

² Организация запрещена на территории РФ.

нормализации, а в тех конфликтах, в которых они не участвуют, стремятся играть роль ключевых посредников.

Поиск ближневосточными государствами средств и методов эффективной реализации стратегии развития и обеспечения безопасности может в дальнейшем иметь результатом и большую институционализацию региональных международных отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

В Казахстане состоялось 86-е заседание Межгосударственной координационной водохозяйственной комиссии Центральной Азии. *Восточное ревью с Александром Князевым*. 01.06.2024 [The 86th meeting of the Interstate Commission for Water Coordination of Central Asia was held in Kazakhstan. *Oriental Review with Alexander Knyazev*. 01.06.2024 (in Russian)] <https://t.me/orientalreviewAK/4080> (accessed: 12.02.2025).

Василенко А.И., Кузнецов В.А. Расставляя приоритеты: внешняя политика Алжира и возможности для Москвы. *PCMД*. 15.05.2024 [Vasilenko A.I., Kuznetsov V.A. Setting Priorities: Algeria's Foreign Policy and Opportunities for Moscow. *RIAC*. 15.05.2024. (in Russian)] <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rasstavlyaya-prioritety-vneshnyaya-politika-alzhira-i-vozmozhnosti-dlya-moskvy/> (accessed: 07.02.2025).

Домбицкая А. Переговоры РФ и США в Стамбуле длились почти 6,5 часа. *Коммерсантъ*. 27.02.2025 [Dombitskaya A. The Negotiations between Russia and the USA in Istanbul Lasted Nearly 6.5 Hours. *Kommersant*. 27.02.2025 (in Russian)] <https://www.kommersant.ru/doc/7536209> (accessed: 27.02.2025).

Ибрагимов И. Политика Египта в Ливии как отражение современных тенденций на Ближнем Востоке. *Мировая экономика и международные отношения*. 2024. Т. 68. № 11. С. 93–103 [Ibragimov I. Egypt's Policy in Libya as a Reflection of Modern Trends in the Middle East. *World Economy and International Relations*. 2024. Vol. 68. No. 11. Pp. 93–103 (in Russian)].

Косач Г.Г. Саудовская Аравия: социально-экономическая трансформация. *Труды Института Востоковедения РАН*. 2019. № 26. С. 585–600 [Kosach G.G. Saudi Arabia — Socio-Economic Transformation. *Papers of the Institute of Oriental Studies of RAS*. 2019. No. 26. Pp. 585–600 (in Russian)].

Лазовский С.О. Экономическая ситуация в Иране в условиях американских санкций. *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*. 2020. № 1. С. 81–93 [Lazovskii S.O. Iran's Economic Situation under US Sanctions. *Analysis and Forecasting. IMEMO Journal*. 2020. No. 1. Pp. 81–93 (in Russian)].

Мелкумян Е.С. Катар и «Талибан» в контексте изменения ситуации в Афганистане. *Восток (Oriens)*. 2022. №4. С. 182–193 [Melkumyan E.S. Qatar and Taliban in the Context of Changing Situation in Afghanistan. *Vostok (Oriens)*. 2022. No. 4. Pp. 182–193 (in Russian)].

Сикоев Р.Р. *Талибы: религиозно-политический портрет*. М.: ИВ РАН, Издательство «Крафт+», 2004 [Sikoyev R.R. *The Taliban: A Religious-Political Portrait*. Moscow: IOS RAS; Izdatelstvo "Kraft+", 2004 (in Russian)].

Al-ijtima'i at-tashawuri al-awal beina qadat al-jazair wat unis wa libiya: darurat tawhid al-mawaqif wa takthif at-tashawur wa at-tansiq. *Algérie Presse Service*. 22.04.2024 [The first consultative meeting between the leaders of Algeria, Tunisia and Libya: the need to unify positions and intensify consultation and coordination. *Algerian Press Service*. 22.04.2024 (in Arabic)] <https://www.aps.dz/ar/algerie/160900-2024-04-22-19-54-00> (accessed: 07.02.2025).

Beck M. The Concept of Regional Powers Applied to the Middle East. *Regional Powers in the Middle East: New Constellations after the Arab Revolts*. H. Fürtig (ed.) New York: Palgrave Macmillan, 2014. Pp. 1–23.

Cavusoglu E. *Qatar's Foreign Policy and Politics within the Strategic Depth Conception*. GRM, 2016.

Crown Prince Mohammed bin Salman interview with Saudi journalist Abdullah Al-Mudaifer. *Arab News*. 28.04.2021. <https://arab.news/ywhra> (accessed: 14.02.2025).

Dışişleri Bakanı Fidan: Ortadoğu ve Asya Pasifik'teki silahlanma dünyayı nükleer savaş tehlikesine getirebilir. *Anadolu Ajansı*. 30.11.2024 [Foreign Minister Fidan: Weapons in the Middle East and Asia-Pacific can create a threat of nuclear war. *Anadolu Agency (AA)*. 30.11.2024 (in Turkish)] <https://www.aa.com.tr/tr/politika/disisleri-bakani-fidan-ortadogu-ve-asya-pasifikteki-silahlanma-dunyayi-nukleer-savas-tehlikesi-ne-getirebilir/3409261> (accessed: 15.02.2025).

Graham-Harrison E. Qatari, US and Egyptian negotiators set up Cairo hub to shore up Gaza ceasefire. *The Guardian*. 21.01.2025. <https://www.theguardian.com/world/2025/jan/21/qatari-us-and-egyptian-negotiators-set-up-cairo-hub-to-shore-up-gaza-ceasefire> (accessed: 25.02.2025).

Hakimi H. What the West can do now in Taliban-ruled Afghanistan. *Chatham House*. <https://www.chathamhouse.org/2025/02/what-west-can-do-now-taliban-ruled-afghanistan> (accessed: 12.02.2025).

Holsti Kai J. National Role Conceptions in the Study of Foreign Policy. *International Studies Quarterly*. 1970. No. 14(3). Pp. 233–309.

Jervis R. Cooperation Under the Security Dilemma. *World Politics*. 1978. Vol. 30. Pp. 167–214.

Kanfrans-e khabari-e wezarat-omur-e khareja. *GMIC Afghanistan*. 07.09.2022 [Foreign Ministry Press-Conference. *GMIC Afghanistan*. 07.09.2022 (in Persian)] https://www.youtube.com/watch?v=yP_uEcaik-WY (accessed: 25.02.2025).

Miller R., Verhoeven H. Overcoming smallness: Qatar, the United Arab Emirates and Strategic Realignment in the Gulf. *International Politics*. 2020. No. 57. Pp. 1–20.

Mumford A. Proxy warfare and the future of conflict. *The RUSI Journal*. 2013. 158(2). Pp. 40–46.

Nolte D. How to Compare Regional Powers: Analytical Concepts and Research Topics. *Review of International Studies*. 2010. No. 36(4). Pp. 881–901.

PM Netanyahu's Remarks at his Press Conference. Prime Minister's Office. *Gov.il*. 09.12.2024. <https://www.gov.il/en/pages/spoke-press091224> (accessed: 14.02.2025).

Prime Minister Benjamin Netanyahu's speech at the UN General Assembly in New York. *UN*. 27.09.2024. https://gadebate.un.org/sites/default/files/gastatements/79/il_fl.pdf (accessed: 14.02.2025).

Prys M. The Variability of Regional Powers. *SGIR 7th Pan-European Conference on IR*. 2010. Vol. 9. Pp. 1–11.

Sager A. Kingdom of Saudi Arabia: Emerging Middle Power in Global Dynamics. *Gulf Research Center*. February 2024. https://shortlink.grc.net/wp-content/uploads/2024/02/Saudi-Arabia-Emerging-Middle-Power-in-Global-Dynamics-_2.pdf (accessed: 14.02.2025).

Türkiye'deki Suriyeli Sayısı Aralık 2024. *Mülteciler Derneği*. 14.01.2025 [The number of Syrians in Turkey. December 2024. *Refugees Association*. 14.01.2025 (in Turkish)] <https://multeciler.org.tr/turkiyedeki-suriyeli-sayisi/> (accessed: 15.02.2025).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

БЕЛКОВ Евгений Анатольевич – младший научный сотрудник Лаборатории «Центр ближневосточных исследований» Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) РАН, Москва, Россия.

ГУЖЕВ Илья Андреевич – младший научный сотрудник Лаборатории «Центр ближневосточных исследований» Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) РАН, Москва, Россия.

Evgeny A. BELKOV, Junior Research Fellow, Center for the Middle East Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO RAS), Moscow, Russia.

Ilya A. GUZHEV, Junior Research Fellow, Center for the Middle East Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO RAS), Moscow, Russia.

ДОБРЕВА Евдокия Ивановна – младший научный сотрудник Лаборатории «Центр ближневосточных исследований» Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) РАН, Москва, Россия.

ИБРАГИМОВ Ибрагим Эминович – научный сотрудник Лаборатории «Центр ближневосточных исследований» Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) РАН, Москва, Россия.

ЗВЯГЕЛЬСКАЯ Ирина Доновна – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, руководитель Лаборатории «Центр ближневосточных исследований» Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) РАН, Москва, Россия.

КАДЫРМАНБЕТОВ Тимур Мажитович – аспирант, младший научный сотрудник Центра ситуационного анализа Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) РАН, Москва, Россия.

ЛАЗОВСКИЙ Станислав Олегович – младший научный сотрудник Лаборатории «Центр ближневосточных исследований» Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) РАН, Москва, Россия.

САМАРСКАЯ Людмила Максимовна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Лаборатории «Центр ближневосточных исследований» Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) РАН, Москва, Россия.

СВИСТУНОВА Ирина Александровна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Лаборатории «Центр ближневосточных исследований» Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) РАН, Москва, Россия.

Evdokia I. DOBREVA, Junior Research Fellow, Center for the Middle East Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO RAS), Moscow, Russia.

Ibragim E. IBRAGIMOV, Research Fellow, Center for the Middle East Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO RAS), Moscow, Russia.

Irina D. ZVYAGELSKAYA, Corr. Member of RAS, DSc (History), Head of the Center for the Middle East Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO RAS), Moscow, Russia.

Timur M. KADYRMAMBETOV, PhD Student, Junior Research Fellow, Center for Situational Analysis, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO RAS), Moscow, Russia.

Stanislav O. LAZOVSKII, Junior Research Fellow, Center for the Middle East Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO RAS), Moscow, Russia.

Liudmila M. SAMARSKAYA, PhD (History), Research Fellow, Center for the Middle East Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO RAS), Moscow, Russia.

Irina A. SVISTUNOVA, PhD (History), Senior Research Fellow, Center for the Middle East Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO RAS), Moscow, Russia.

СУРКОВ Николай Юрьевич – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Лаборатории «Центр ближневосточных исследований» Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) РАН, Москва, Россия

СУХОВ Николай Вадимович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории «Центр ближневосточных исследований» Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) РАН, Москва, Россия.

ТЮКАЕВА Татьяна Иршатовна – кандидат политических наук, научный сотрудник Лаборатории «Центр ближневосточных исследований» Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) РАН, Москва, Россия.

Nikolay Yu. SURKOV, PhD (Politics), Senior Research Fellow, Center for the Middle East Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO RAS), Moscow, Russia.

Nikolay V. SUKHOV, PhD (History), Leading Research Fellow, Center for the Middle East Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO RAS), Moscow, Russia.

Tatiana I. TYUKAEVA, PhD (Politics), Research Fellow, Center for the Middle East Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO RAS), Moscow, Russia.